

СМЕХ, частушки, лихие переборы тальянки — бесшабашная удаль деревенской гулянки. Седоусый гармонист растягивает меха, примостившись в поленище среди ватаги вездесущих мальчишек. Девчата, не жалея каблучков, отчаянно отплясывают «русскую». Большая радость пришла в армянскую семью, которая живет здесь на самом краю глухой сибирской деревушки. Приехал с фронта на по-

работам, снимает в Томске свою тринадцатую ленту.

— Сделать фильм, который бы правдиво и честно рассказал о том, что волновало меня с детства, я хотел давно, — рассказывает Эдмонд Гарегиневич в перерыве между съемками. — И вот наконец такая возможность мне представилась. Не буду пересказывать сюжет — меньше чем через год зрители сами увидят все на экранах кинотеатров. Ска-

дусов всего 6—8. То и дело короткий, резкий дождь, проливаясь над съемочной площадкой, сердито выбивает дробь на зонтике-грибке, которым заботливо прикрыта громоздкая киноаппаратура.

Александр Буреву сегодня, пожалуй, сложнее всех. Он отвечает не только за свою работу в кадре, но и за актерское мастерство своего коня, темно-гнедого жеребца по кличке Пух. Александру помогает хозяин коня — совхозный конюх Володя Геращенко. Вместе им удается успокоить норовистую лошадь, и вскоре Пух перед кинокамерой ведет себя так, словно всю свою жизнь снимался в кино.

Актриса Томского ТЮЗа Ольга Рябова играет в фильме простую крестьянку — тетю Нюру, хозяйку дома, который приютил армянскую семью в тяжелые военные годы.

— Удивительно хорошо чувствует роль, — таково мнение режиссера. — Очень талантлива, будет возможность — буду работать с ней снова.

Выглядывает солнце. Оператор разводит руками: ему нужен рассеянный свет, какой бывает, когда солнце надежно упрятано в облаках. А пока перерыв, ожидание зависшего над горизонтом фронта тяжелой низкой облачности. Мкртыч Карагезян и Аршалус Арутюнян, юные артисты из Армении, тотчас же обступают коня и уговаривают конюха Володю дать им по разу прокатиться...

У больших старых деревянных ворот на скамейке сидят несколько пожилых женщин, участниц снимаемого эпизода. Две из них — хозяйки этого дома, кстати, специально перекрашенного и «подстаренного» для съемок. Рядом с ними Е. Н. Богданова, актриса «Мосфильма».

— Прекрасный у вас город, — говорит она, — зеленый, уютный. Архитектура старинная — загляните. А иду по центральной улице — сколько молодежи, глаз радуется. Обязательно посмотрю томские деревянные кружева. Кстати, где находится знаменитый дом Шишкова?..

Объясняя Елене Николаевне, как добираться до памятников деревянной архитектуры.

— Приготовиться к съемке!..

Сегодня выдался трудный, наверное, потому что предпоследний, съемочный день. Эпизод, над которым напряженно и кропотливо работали артисты, на киноэкране займет всего три минуты, да еще, может, что-то из отснятого материала не войдет в картину при монтаже...

Мосфильмовцы завершают очередной этап работы над фильмом. В Томск они вернутся только в ноябре-декабре, когда станет река, выпадет снег. Начнутся «зимние» съемки. И, значит, опять в старинном сибирском Коларове зазвучит вечное киношное: «Приготовиться к съемке. Мотор!».

А. ОЛЕАР.

В Коларове звучит: „Мотор!..“

Репортаж со съемочной площадки

бывку сын. Ненадолго — всего на два дня. Мать не отходит от него. Ей так нужно все выпросить у своего солдата, все еще безусого мальчишки, хоть и одетого в ладно пригнанную офицерскую форму. Ей многое непонятно из его рассказа. Но важно, чтобы звучал и звучал его родной, бесконечно любимый голос...

В переулке — цоканье кованых копыт. Спешившись с видимым трудом, привязав к ограде коня, в круг разом затихшей гулянки входит человек в поношенной офицерской шинели с наганом у пояса. Это районный уполномоченный НКВД. Опираясь на палку, сильно прихрамывая на правую ногу, он подходит к молодому лейтенанту.

— Николай Иванович, это сын мой, Ардашиш, — голос матери дрожит, она крепко прижимает к себе руку сына, — он лейтенант Красной Армии.

— В званиях разбираемся, — хмуро роняет уполномоченный.

— Он только что с фронта.

— С фронта... Так война ведь, откуда же еще. А ну-ка, артиллерия, отойдем...

— Стоп, снято! — командует режиссер киностудии «Мосфильм» Эдмонд Гарегиневич Кеосаян, — снимем еще дубль — и на сегодня все.

Вновь на томской земле, на сей раз в селе Коларове Томского района, снимается художественный фильм. Его рабочее название «Может, в Гомеле, может, в Рязани». Картина посвящена непростым страницам истории страны, времени, когда подвергались искажению ленинские принципы национальной политики партии. Э. Г. Кеосаян, режиссер, известный томскому кинозрителю по фильмам «Лестница», «Дети Максимова», популярному киносериялу о «неуловимых мстителях» и другим

жу лишь, что все то, что происходит с главным героем фильма и его семьей, вовсе не плод фантазии авторов сценария, а подлинная правда жизни, та самая, которую можно лишь прожить и нельзя выдумать.

Позже ассистент режиссера Т. А. Воронова рассказала, что Эдмонд Гарегиневич является одним из авторов сценария, в основу которого легли реальные факты из его биографии. Именно в Томскую область была выслана из Армении в сороковом году его семья. Именно здесь, будучи десятилетним мальчишкой, ощутил он суровую сдержанную красоту сибирской природы, подлинную цельность характера, чуткость и доброту сибиряков.

— Мотор!..

Съемка продолжается. Хмурого уполномоченного НКВД играет актер Томского театра драмы Александр Бурев. У его героя нелегкая судьба: фронт, тяжелое ранение, инвалидность. Направление на новое место службы в те места, откуда сам родом. Не по нраву фронтовику новая его должность в родной деревне, но это — приказ... Потому так дотошно изучает он документы молодого лейтенанта, оценивающе смотрит в глаза Ардашису (артист А. Геворкян).

— Стоп! — останавливает съемку режиссер. — Саша, в тогдашних документах фотографий не было — дважды глаза поднимать на солдата не надо. А ты, лейтенант, не суетись, держись достойней: у тебя все документы в порядке. А вот мать (актриса Л. Кеосаян) волнуется за тебя. Еще дубль!..

Нелегко приходится в жизни не только героям фильма, но и артистам, которые играют их роли. С Томи дует сырой, пронизывающий ветрище, солнце затерялось где-то в самой гуще дохматых облаков. Холодно — гра-